

Продолжение.
Начало в "РМ" №4173.

Отрывки из писем Булгакова
(вторая половина 1929 г.).

Е.Замятину, 19 июля: "Ваш до гроба (который не за горами)... Ждите. Говорил я кое с кем, и во мраке маленький луч. Но если этот луч светит?! О tempo, o tempo!"

Николаю Булгакову, 23 июня: "Я приму меры, чтобы помочь Ване материально, хотя бы и в скудных размерах — как я могу..."

Генеральному секретарю партии
И.В. Сталину
Председателю Ц.И. комитета
М.И. Калинин
Начальнику Главискусства
А.И. Свидерскому
Алексею Максимовичу Горькому

Заявление

В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературой в СССР...

В наступающем сезоне ни одна из них, в том числе и любимая моя работа "Дни Турбиных" — больше существовать не будут...

Нигде и никогда в прессе в СССР я не получил ни одного одобрительного отзыва о моих работах, за исключением одного, быстро и бесследно исчезнувшего газетного отзыва в начале моей деятельности, да еще Булгакова и Горького отзывы о пьесе "Бег".

Ни одного...

Вся пресса направлена была к тому, чтобы прекратить мою писательскую работу, и усилия ее увенчались к концу десятилетия полным успехом: с удручающей документальной ясностью я могу сказать, что я не в силах больше существовать как писатель в СССР.

После постановки "Дней Турбиных" я просил разрешения вместе с моей женой на короткий срок уехать за границу — и получил отказ...

Я просил о возвращении взятых у меня при обыске моих дневников — получил отказ.

Теперь мое положение стало ясным: ни одна строка моих произведений не пойдет в печать, ни одна пьеса не будет играть, работать в атмосфере полной безнадежности я не могу, за моим писательским уничтожением идет материальное разорение, полное и несомненное.

И вот я со всею убедительностью прошу Вас направить Правительство СССР мое заявление.

Я прошу Правительство СССР обратить внимание на мое невыносимое положение и разрешить мне выехать вместе с моей женой Любовью Евгеньевной Булгаковой за границу на тот срок, который будет найден нужным.

Михаил Афанасьевич Булгаков.
Москва. 30 июля 1929 года.

Секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Смирнову А.П.

Я имел продолжительную беседу с Булгаковым. Он производит впечатление человека затравленного и обреченного. Я даже не уверен, что он нервно здоров. Положение его действительно безвыходное. Он, судя по общему впечатлению, хочет работать с нами, но ему не дают и не помогают в этом.

При таких условиях удовлетворение его просьбы является справедливым.

А. Свидерский

30 июля 1929 г.

3 августа 1929 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)
тов. Молотову

Посылая Вам копии заявления литератора Булгакова и письма Свидерского, прошу разослать их всем членам и кандидатам Политбюро.

Со своей стороны считаю, что в отношении Булгакова наша пресса заняла неправильную позицию. Вместо линии на привлечение его и исправление — практиковалась только травля, а перетянуть его на нашу сторону, судя по письму Свидерского, можно.

Что же касается просьбы Булга-

Художник и власть. Частный случай

Политбюро ЦК ВКП(б) и Михаил Булгаков

кова о разрешении ему выезда за границу, то я думаю, что ее надо отклонить. Выпускать его за границу с такими настроениями — значит увеличивать число врагов. Лучше будет оставить его здесь, дав АГПО ЦК указание о необходимости поработать над привлечением его на нашу сторону, а литератор он талантливый и стоит того, чтобы с ним повозиться.

Нельзя пройти мимо неправильных действий ОГПУ по части отобрания у Булгакова его дневников. Надо предложить ОГПУ дневники вернуть.

А. Смирнов.

Из письма Михаила Булгакова
брату Николаю,
конец августа 1929 г.:

"Теперь сообщаю тебе, мой брат: положение мое неблагоприятно.

Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР, и беллетристической ни одной строки моей не напечатает. В 1929 году совершил мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой выехать за границу на любой срок.

В сердце у меня нет надежды. Был один злощастный признак — Любовь Евгеньевну не выпустили одну, несмотря на то, что я оставался (это было несколько месяцев тому назад)!

Вокруг меня уже ползет змеякой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.

В случае, если мое заявление будет отклонено, игру можно считать оконченной, кофоду складывать, свечки тушить...

Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос мой гибели — это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда. Но чудеса случаются редко..."

Как и положено чудесам, они бываю редко. Редко, но бываю. В случае Булгакова автором чуда стал большой специалист по этому делу — Иосиф Сталин.

2 сентября 1929 года повестка очередного заседания политбюро была разослана. Пункт 19-й гласил: "О Булгакове". В оригинале протокола №96 от 5 сентября упомянуты члены политбюро Ворошилов и Молотов, но нет Сталина. Среди членов президиума ЦКК упоминают Енукидзе.

3 сентября 1929 г. помечены письма Булгакова Горькому и Енукидзе, аналогичные по содержанию: "Все запрещено, я разорен, затравлен, в полном одиночестве... прошу о гуманной резолюции — отпустить меня..."

Решение политбюро: вопрос о Булгакове — "Отложить".

6 сентября в письме брату Николаю Михаил Булгаков констатирует: "...от тебя нет ответа на то письмо мое, в котором я сообщал тебе о моем положении. Начиная думать, что ты его не получишь..." По ряду писем того и последующего периода видно, что меняется только распоряжение об отсылке гонорара или о его задержке в Париже... О себе и своих делах М. Булгаков пишет неизменно и часто в тональности горько-трагической...

12 сентября 1929 г. политбюро снова рассматривает вопрос о Булгакове. Снова на заседании отсутствует Сталин. Постановили: "Снять вопрос".

28 сентября. Новое письмо Горькому: "Прошу о гуманной резолюции — отпустить меня. Вас убедительно прошу ходатайствовать за меня". В конце письма повтор: "...все, что написано мной за десять лет работы в СССР, уничтожено. Остается уничтожить последнее, что осталось, — меня самого. Прошу вынести гуманное решение — отпустить меня. Уважающий Вас М. Булгаков".

К теме "Булгаков и Горький" стоит

М.А. Булгаков. 1930-е годы.

добавить цитату из донесения секретного агента от 26 мая 1929 года: "Булгаков говорит, что занимается правкой старых рукописей и закрывает драматургическую лавочку. Одна надежда на Горького, который, может быть, захочет вновь поговорить со Сталиным о "Беге".

Друг юноши А.Гдежинский 17 октября отвечает "сейчас же прочтении" письма Булгакова:

"Наконец-то ты ответил мне!.. Как я рад, ты не можешь себе представить!.. Иногда я старался представить себе твою жизнь и чувствовал, что она должна быть высокого давления и горения. Поэтому то, что ты пишешь, что надорвался, — понятно мне и очень, очень грустно!.. Мне очень грустно, что ухаживали, верно, очень, люди — моего веселого, умного и доброго Мишу!.. Ясно было одно, что ты наступил кому-то на хвост, и он тебя вл... Ты пишешь, что "все разрушено до тла, что я сделал за много лет ужасной жизни?" Бог с тобой — мне кажется, ты преувеличиваешь..."

Очень точная реакция человека, близкого за много лет до того и живущего иной жизнью...

28 декабря 1929 г. в коротком письме брату Николаю Булгаков просит "срочно (если возможно, по телеграфу) перевести мне мой гонорар..."

В заключение — замечание Якова Соломоновича Лурье: "Творческая работа в 1929 году не прерывалась".

1930. Во МХАТе!

Главные события в жизни Булгакова этого года: письмо правительству СССР, звонок Сталина ему домой и поступление во МХАТ на работу...

Вспомня в 1956 году это время, Елена Сергеевна Булгакова записывала:

"Когда я с ними познакомилась (28 февраля 1929 года) — у них было трудное материальное положение. Не говорю уж об ужасном душевном состоянии М.А. — все было запрещено (то есть "Багровый" и "Зойкина" уже были сняты, а "Турбиных" сняли в мае 1929 г.). Ни одной строчки его не печатали, на работу не брали... Во МХАТе отказали, когда он об этом поставил вопрос..." ("Дневники Елены Сергеевны Булгаковой", с.298-299).

Это написано 40 лет назад, известно исследователям лет 20, опубликовано в книге семь лет тому назад, однако до сих пор иногда продолжают писать, что "Дни Турбиных" сняты были в марте.

Опуская рассказ о разговоре со Сталиным, продолжим цитирование: "На следующий день после разговора М.А. пошел во МХАТ, и там его встретили с распростертыми объятиями. Он что-то пробормотал, что подаст заявление..."

— Да Боже ты мой! Да пожалуй-ста!.. Да хоть на этом... (И тут же)

схватили какой-то поскот бумага, на котором М.А. написал заявление. И его зачислили ассистентом-режиссером в МХАТ" (с.300).

Аксиомой является то положение, что любые воспоминания, если это возможно, следует проверять. Документами, другими воспоминаниями и т.д. В данном случае это возможно. В рассказе о поступлении Булгакова на работу она мифологизирует происшедшее. На ней нет греха, она — вспоминает. Как было на самом деле — об этом ниже...

А пока следует отметить тональность писем брату в Париж (см. книгу "Письма"). Вопрос в том, предназначались ли они только брату или Булгаков ясно понимал, что их читают и другие люди, по службе на то поставленные: потому что Булгаков и потому что в Париж!

Осень 1929-го и весна 1930-го отражаются в этих письмах внутренней паникой и готовностью к "гибели всерьез". Именно они, письма брату, являются той точкой отсчета, которая помогает правильно понять перемену тона, которая легко читается в письме правительству СССР.

"Словом, выход один — кончать жизнь". Я продолжаю цитировать Елену Сергеевну. Двойная ошибка тех, кто утверждает, что Булгакова спас звонок и каприз Сталина, заключается, по-моему, в том, что они ищут внешнюю причину изменения судьбы гениального художника. А внешние причины в состоянии его угробить, в прямом, физическом смысле этого слова. Спасти же от всего могут лишь внутренние силы самого человека, которому отпущено Богом дарование. Т.е. его собственный гений. В случае с Михаилом Булгаковым — пьеса "Кабала святош". То самое творчество, о котором упомянул Я.С. Лурье. Оно и "вылезло"...

Двойная же ошибка заключается, на мой взгляд, в том, что причиной звонка Сталина называется его любовь к пьесе "Дни Турбиных" и испуг, вызванный смертью и похоронами Маяковского...

Стоит отметить и то, что в 1930 году изготовление важнейшего для его судьбы документа Булгаков делит с Еленой Сергеевной. Для экономии скажем об этом словами поэта: "Отношения их расцвели, / Развивались все более бурно..."

"Тогда он написал письмо правительству. Сколько помню, разносили мы их (и печатала ему эти письма я, несмотря на жестокое противодействие Шиловского) по семи адресам. Кажется, адресатами были: Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ягода, Бубнов (нарком тогда просвещения) и Ф.Кон.

Письмо в окончательной форме было написано 28 марта, а разносили мы их (и печатала ему эти письма) 31-го и 1 апреля" (с.299).

В "Письме Правительству С.С.С.Р." уже нет той внутренней паники конца 1929-го — начала 1930 года. Оно написано человеком, обладающим чувством собственного достоинства и понимающим, что его творчество, несмотря на многочисленные примеры ругани, заслуживает уважения.

"Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале".

Средства, предлагаемые Булгаковым:

"9. Я прошу правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР в сопровождении моей жены Любови Евгеньевны Булгаковой.

10. Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя в отечестве, великодушно отпустить на свободу".

Эти просьбы повторяли прошлые, но возникло и новое:

"11. ...я прошу Советское Правительство дать мне работу по спе-

циальности и командировать меня на работу в театр в качестве штатного режиссера...

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и актера, который берет на добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня...

Если меня не назначат режиссером, я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошу на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо в данный момент — нищета, улица и гибель".

Следовательно, Булгаков сам предлагал вариант его использования здесь и уже в письме от 28 марта не настаивал на выезде...

Есть еще один момент, последняя фраза в п.8 письма: "Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо".

И еще в п.3: "Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что если кто-нибудь из писателей вздумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода".

Булгаков ведет честную игру и, будучи очень умным и много понимающим к 1930 году человеком, предлагая советской власти не писателя, а режиссера, т.е. исполнителя, интерпретатора чужих произведений, "дозволенных цензурой". Одновременно не скрывая того, что не писать он не может...

На бланке ЦК ВКП(б) 29 марта А.Смирнов пишет Сталину:

"29 марта безызвестный Булгаков обратился ко мне с просьбой принять его. Я ему отказал в приеме, после чего он передал в приемную посылаемое при этом заявление.

Прошу дать указание о рассылке заявления членам ПБ".

"3 апреля, когда я как раз была у М.А. на Пироговской, туда пришел Ф.Корнеев и П.Соколов (первый, кажется, завлит ТРАМа, а второй — директор), с уговорами, чтобы М.А. поступил режиссером в ТРАМ. Я сидела в спаленке, а М.А. их принимал у себя в кабинете. Но ежеминутно прибегал за советом. В конце концов я вышла, и мы составили договор, который я и записала, о поступлении М.А. в ТРАМ. И он начал там работать..."

Согласно документам, с 1 апреля 1930 года, в качестве консультанта по драматургической части, с окладом 300 рублей в месяц.

Согласно другим документам, Московский Художественный академический театр, спасенный Булгаковым и его пьесой от финансового краха, несколько позднее, после звонка Сталина, принял Булгакова на должность режиссера-ассистента, с окладом... 150 рублей в месяц. То есть в два раза меньшим, чем в ТРАМе, для которого Булгаков должен был писать отзывы на пьесы...

В дальнейшем, убедившись в старательности и безотказности нового работника, МХАТ, отлучив Булгакова от комсомольцев (не было на них времени — МХАТ претендовал на все его время), повысил ему месячный оклад до 200 рублей в месяц...

Есть очень точный показатель теплоты отношения советского учреждения к своему сотруднику — размер его жалованья, а не трогательные высказывания о прекрасных душевных качествах и способностях. Грошовая экономика и неверная "табель о рангах" приводит к преждевременному износу творческого организма от переработки и невротопек, связанных с наличием отсутствия денежных средств...

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

Продолжение следует.

29.05.1997
4.06.97
Булгаков Михаил Афанасьевич

84